

УДК 340.01, 342.5

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

© 2021 г. *Б.В. Макогон, А.П. Петербургский*

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015*

В статье на основе анализа широкого круга источников представлена позиция по вопросам места, роли, характеристик и векторов развития объективированной судебной власти в системе ограничительного государственного управления как юридического процессе, отношения в котором лимитируются правом и его источниками.

Ключевые слова: *публичная власть, судебная власть, органы судебной власти.*

Based on the analysis of a wide range of sources, the article presents position on the issues of the place, role, characteristics and vectors of the development of the objectified judiciary in the system of restrictive public administration as a legal process, the relations in which are limited by law and its sources.

Keywords: *public authorities, judicial power, judicial authorities.*

Государственная власть реализуется через систему структурно обособленных звеньев, что позволяет ей находить свою материализацию, форму в системе общественных отношений, и органы судебной власти не являются исключением. Функционирование таковых мы относим к обязательным элементам государственного управления как юридического процесса, обладающего признаками ограничительного.

Во-первых, это подтверждается самим фактом их существования как субъектов публичной власти, при ряде условий обладающих соответствующими (властными) полномочиями по отношению как к государственным органам, их должностным лицам, так и в связях с гражданами, иностранными гражданами, лицами без гражданства, юридическими лицами общего порядка.

Во-вторых, органы судебной власти осуществляют правоприменение, что может быть отнесено к классическим признакам, сопутствующим процессу управления и юридическому процессу в целом в широком его понимании.

В-третьих, данным органам свойственны широкие дискреционные полномочия, расширяющие поле их деятельности в сфере управления, непосредственно либо же опосредованно, через цепочку социальных связей, складывающихся в процессе применения норм права, нормотворчества; превенции, формирования правосознания, влияния на правовую культуру, к примеру, в процессе развития юридического содержания права граждан на информацию [1].

В-четвертых, если рассматривать ограничительное регулирование как деятельность, направленную на определение, установление и укрепление пределов функционирования субъектов правоотношений, вывод об участии в ней судебных органов можно сделать, основываясь на вышеперечисленных пунктах.

Юридическое и фактическое развитие независимой системы судебной характерно для демократических, в современном понимании, государств. Чем выше степень реализации соответствующих юридических, правовых деклараций и в общем нормативного правового массива – тем ближе государство к характеристикам демократического и правового. Качества полисубъектности, устойчивого сохранения своей уникальности, разнообразия правовых статусов и статуса, способности эволюционировать вслед за общественно-государственными механизмами, многообразия структур в единый как формализованных, так и доктринальных, сложившихся на практике концепциях – все они характерны для судебных систем и образуют целостную картину значения и необходимости власти судебной в системе разделения властей на функциональные ветви.

Действительности, при всем многообразии в подходах различных государств относительно организации системы органов судебной власти, последние всегда отражают как текущее состояние государственности, так и направления, динамику развития государственно-правовой действительности. То есть судебная власть, с одной стороны, наряду с другими институтами (например, уполномоченного по правам человека [2], политического убежища [3]), является управленческим (властным) гарантом для практико-юридических комплексов (например, стойкости правозащитных приоритетов [4], минимизации правозащитных рисков [5], конституционной системы защиты прав и свобод человека и гражданина [6], правозащитной функции государства [7]), с другой же – неременной составляющей единства системы публичной власти, гарантированного государством и источниками права.

Обратимся к субъектам, которые, с доктринальных позиций полагаем, могут претендовать на звание типичных.

Прежде всего, таковыми полагаем логичным и актуальным считать органы конституционного судебного контроля.

Авторами отмечено, что к настоящему времени уместным будет считать оформившимися американский и европейский образцы таких систем [8]. Также в ряде государств сложилась модель, которую есть все основания назвать «смешанной», объединившей в себе «американские» и «европейские» элементы в тех или иных пропорциях, трактовках и практических особенностях.

Если вести речь об американской модели, то, из критичного, следует указать на то, что здесь в юридическом процессе неконституционные нормы попросту не учитываются судами; суды вправе самостоятельно занимать правовую позицию, имеющую юридическую силу, по поводу конституционности тех или иных норм права; соответственно, специализированный орган судебного контроля отсутствует.

Все это, думается, создает благодатную почву для прямого действия конституции, восприятия ее правовым актом действительно высшей юридической силы, формирование крепкой государственно-правовой «идейности» в формате национальной идентичности. Поскольку для рассмотрения вопроса о конституционности нет необходимости обращаться в Верховный Суд – потребность в принадлежности (к государству, праву, национальной социально-культурной среде), вероятно, может быть удовлетворена относительно эффективно, что расценивается нами с позитивной стороны. В таких условиях конституция может быть той скрепой, которая в состоянии нивелировать естественные проявления коррупции государственного управления, установив авторитет права на по-настоящему высокий уровень.

Предположим, что более чувствуется дыхание права, нежели государства.

Европейская модель конституционного контроля, в отличие от американской, развившаяся на основе идей Ганса Кельзена, предполагает разрешение дел, связанных с конституционностью правовых норм, судьями, обладающими особой квалификацией по предмету, специальными судебными органами, обладающими автономией от органов общего правосудия. Процессуальный порядок разрешения таких дел также особый.

Как справедливо отмечается, в рассматриваемой модели следует выделять такие виды органов, как:

- а) верховные суды;
- б) конституционные суды;
- в) так называемые «квазисудебные» органы, для которых осуществление конституционного контроля может быть не единственным направлением деятельности [9].

Что же касается смешанной модели, то она достаточно распространена (особенно, если строго подходить к критериям классификации и их точечным характеристикам), и, традиционно, ей характерно устройство, в котором присутствуют элементы как европейской, так и американской модели.

Методологически оправдано также в критерии разграничения систем конституционного контроля включить такой показатель, как форма государственного устройства, который не обязательно, но все же настойчиво оказывает влияние на их характеристики. Речь идет о том, что субъекты федераций, кой бы «сильной» ни была центральная власть, тяготеют соблазнами децентрализации, усиления собственных позиций, автономии (иногда, в определенных исторических периодах, даже граничащими с сепаратизмом). В таких условиях логичным видятся побуждения к созданию собственных контрольно-конституционных органов. Какого именно вида – вопрос второстепенный.

Конечно, в таких случаях возникают риски, связанные с нарушением функционирования всей системы конституционного контроля в стране, ведь параллельно будет работать и соответствующий федеральный орган. Поэтому считаем, что к этому направлению жизненно необходимо относиться особенно осторожно и настороженно. А учитывая, что мы не можем говорить о существовании полностью симметричных федерация, этот вопрос еще более актуализируется.

Очевидно, что на территориях унитарных государств, традиционно, функционирует один орган конституционного контроля с соответствующими по характеру и предмету полномочиями и статусом.

Отметим, что модели конституционного судебного контроля в субъектах федеративных государств также есть возможность подвергнуть систематизации, разделив, опять же, на американскую и европейскую.

Американская модель, помимо отсутствия квазисудебных органов, характеризуется высокой ролью независимых от «центра» судов штатов по рассматриваемой проблематике, особенно касаясь дел с участием административных органов. Помимо этого, юридический процесс, в котором имеет место быть рассмотрение вопросов, связанных с конституционностью, на уровне штатов и федеральный стремятся к организационно-процедурной гармонизации.

Европейская модель конституционного судебного контроля в субъектах федераций отличается различием в процедурных вопросах, компетенциях органов различного уровня, возможным разнообразием соответствующих организационных форм и даже не предельной стабильностью в формальном отношении государства к необходимости (как, впрочем, и возможности) существования на правовом поле конституционных контрольных органов на уровне субъектов федерации.

Для логики работы укажем на судебные органы, которые в силу специализации не получили распространения, но при этом представляются актуальными как звенья в системе государственного ограничительного управления, создание и развитие которых может согласовываться с прагматическими тенденциями современности. К таковым отнесем административные суды и органы ювенальной юстиции.

Что касается административных судов, то дискуссия о создании таковых активно ведется через аргументацию доктринальных позиций [10; 11]. Помимо этого, законодателем также обозначены соответствующие векторы и, в первую очередь, в нормах Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», устанавливающих возможность создания специализированных судебных органов федерального уровня, компетенция которых включает рассмотрение (в рамках государственно-правовой теории заметим – и разрешение) именно административных дел, что согласуется с Концепцией судебной реформы (далее – Концепция) и целеполаганием в системе государственного управления.

Действительно, Концепция разрабатывалась и принималась в усложняющихся условиях переходного периода; целый ряд ее положений пропитан отсылками к советскому прошлому, обладающими выраженными оценочными свойствами известного толка. Но сие, по нашему мнению, не умоляет ее фундаментального, конститутивного характера.

Наряду с административными в Концепции упоминаются перспективные к созданию ювенальные суды, ювенальная юстиция.

В традиционной мировой практике два последних термина часто трактуются как близкие по содержанию; система правосудия, функционирующая в отношении несовершеннолетних, и составляет ювенальную юстицию. Однако существуют и другие позиции, имеющие методологическое значение.

Так, на пространстве Содружества Независимых Государств ювенальная юстиция нередко трактуется шире. К примеру, некоторые авторы включают в нее не только ювенальные суды, но и ювенальную прокуратуру и адвокатуру, службу квалифицированных психологов и социальных работников и иных специалистов, а также специальные воспитательные и пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних [12].

В проекте Федерального закона «Основы законодательства о ювенальной юстиции Российской Федерации» таковая определяется как «совокупность правовых механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных, а также иных процедур и программ, предназначенных для обеспечения наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, а также лиц, ответственных за их воспитание, реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций» [13].

Положения проекта Федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции» определяют, что «под системой ювенальной юстиции понимается совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц, неправительственных (негосударственных и немunicipальных) некоммерческих организаций, осуществляющих на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка» [14].

Нам думается, что, учитывая специфику предмета правового регулирования, целесообразны легальные определения понятий «ювенальные суды» (в случае действий по созданию таковых) и «ювенальная юстиция» как части и целого.

Таким образом, завершив исследование выводом о том, что ролевые характеристики судебной власти в ограничительном государственном управлении – мультиуровневые, мультистатусные, системные, отражающие принцип единства. Они объективируются как во внешних, так и во внутренних формах, динамичны и логично встраиваются в управление как юридический процесс, отношения в котором лимитированы правом и его источниками, присущими тем или иным государственным формам.

Литература

1. Мархгейм М.В., Гавришов Д.В. Проблемы развития юридического содержания права граждан на информацию // История государства и права. 2008. № 10. С. 4-5.
2. Новикова А.Е. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2007. 22 с.

3. Новикова А.Е., Жорник А.М. Генезис и содержание института политического убежища в Российской Федерации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2 (145). С. 163-169.

4. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Правозащитные приоритеты в воззрениях отечественных представителей либеральной и консервативной научных школ // История государства и права. 2008. № 6. С. 38-40.

5. Kornyuushkina, A.Y., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Doronina, O.N., Zajcev, S.Y. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states // Turkish online journal of design art and communication. 2017. Т. 7, № S-APRLSPCL. С. 352-356.

6. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России. М., 2004. 312 с

7. Тонков Е.Е., Беспалова М.А. Правозащитная функция государства: вопросы теории. Монография / Е. Е. Тонков, М. А. Беспалова. Ростов-на-Дону, 2012. 291 с.

8. Хлобыстова К.А. Конституция и модели конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 2. С. 7-9.

9. Сафонов В.Е. Институт судебного конституционного контроля в зарубежных странах: история, теория, практика. М., 2003. 280 с.

10. Старилев Ю.Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М., 2001. С. 304 с.

11. Чекалина О.В. Административно-юрисдикционный процесс: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 205 с.

12. Мартинович И.И. В Беларуси созрели предпосылки создания ювенальной юстиции // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 49-50.

13. Проект Федерального закона «Основы законодательства о ювенальной юстиции Российской Федерации» // http://www.nan.ru/?f=uu/pr_zk/ (дата обращения 01.02.2021).

14. Проект Федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции» // http://www.nan.ru/?f=uu/pr_zk/ (дата обращения 01.02.2021).